

A rusted, heavy-duty tank, possibly a Soviet KV-1, is the central focus of the image. It is positioned in a snowy, muddy battlefield. The tank's armor is thick and heavily corroded with rust. In the background, a dark, overcast sky is filled with thick, billowing black smoke. To the right, a bright orange and yellow fire or explosion is visible, casting a glow on the scene. The overall atmosphere is grim and war-torn.

Ярослав Северцев

# Чужое небо. Книга 2. Стальной кулак

18+

# Ярослав Северцев

## Чужое небо. Книга

### 2. Стальной кулак

*<https://litres.ru/74042096>*

*SelfPub; 2026*

#### **Аннотация**

Позади — штрафбат и первая победа. Впереди — второй штурм, тяжелые потери и проверка на прочность. Алексей Волков («Ким») получает звание майора и собственную штурмовую группу, но враг тоже учится на ошибках. Сможет ли человек из будущего остановить нацистскую броню «консервными банками» и русским упрямством, когда за его голову назначена награда, а за спиной — Москва?

P.S. Уважаемые читатели все мои книги не имеют профессиональной редактуры , поэтому учитывайте это приобретая книгу! Я пишу и делюсь с вами своими историями!

# Содержание

Глава 1. Цена удара	4
Глава 2. Ковка кулака	26
Конец ознакомительного фрагмента.	46

# Ярослав Северцев

## Чужое небо. Книга

### 2. Стальной кулак

#### Глава 1. Цена удара

Ночь после боя всегда пахнет одинаково.

Неважно, на какой планете ты воюешь, под каким небом, за какую империю или республику. Если днем земля рвалась от снарядов, если горела броня, если люди кричали в дыму и умирали, вцепившись в оружие, — ночью воздух будет густым, тяжелым, пропитанным гарью, кровью, мокрой глиной и тем особым металлическим привкусом, который остается на языке после слишком близкой смерти.

Алексей Волков сидел у костра, вытянув вперед руки, и смотрел не на огонь, а сквозь него.

Пламя было слабым, экономным. Дрова сырые, собранные наспех в перелеске за разбитой позицией. Огонь не столько грел, сколько обозначал: здесь еще есть живые. Вокруг костра, на ящиках из-под патронов, на скатанных шинелях, прямо на земле, сидели бойцы его роты — те, кто уцелел. Тридцать восемь человек. Еще утром их было шестьде-

сят пять.

Теперь между цифрами лежал день, который стоил слишком дорого даже по меркам войны.

Кто-то молча курил, пряча огонек в ладонях. Кто-то чистил винтовку с тупым, почти механическим упорством, будто если выскоблить из затвора весь нагар, то можно будет выскоблить и память о том, как рядом разорвало товарища. Один из пулеметчиков, молодой, с обожженной щекой, сидел, уронив голову на грудь, и спал, не выпуская из рук ленту к «максиму». Санитарка Маруся, маленькая, черноволосая, с лицом, перепачканным копотью, перевязывала кому-то руку при свете костра, и бинт в ее пальцах казался серым, хотя Алексей знал — это кровь уже успела потемнеть.

Он не вмешивался. Не говорил лишнего. После таких боев слова редко помогают.

— Пульс повышен, — тихо сказал ИБИ у него в голове.  
— Уровень кортизола стабильно высокий. Вы истощены.

— Знаю, — мысленно ответил Алексей.

— Вам нужен сон.

— Потом.

— Вы говорили это шесть часов назад.

Алексей едва заметно усмехнулся. Даже на Земле, в сорок первом году, среди грязи, дыма и людей с винтовками позапрошлого века, ИБИ оставался собой — точным, настойчивым, лишенным иллюзий.

Он поднял взгляд.

За костром, в темноте, угадывались силуэты разбитых орудий, перевернутой повозки, двух сгоревших танков — немецкого и советского. Они стояли почти рядом, как два зверя, сцепившиеся насмерть и так и оставшиеся лежать там, где их застала смерть. У немецкой машины башню сорвало взрывом и отбросило в сторону метров на десять. У советской броня почернела, люк механика-водителя был открыт, но внутрь никто уже не заглядывал. Все, кто мог, давно поняли: там никого не осталось.

Днем они удержали рубеж. Не просто удержали — сломали удар, который должен был смять фланг, прорвать оборону и открыть немцам дорогу к переправе. Двадцать восемь танков, пехота, минометы, поддержка авиации. По всем расчетам, их должны были раздавить за час.

Но они выстояли.

Потому что Алексей еще ночью заставил людей копать не там, где велел старый устав, а глубже и с изломом. Потому что пулеметы он поставил не по линейке, а в перекрестные карманы огня. Потому что противотанковые связки гранат раздал не самым храбрым, а самым хладнокровным. Потому что ложную батарею они соорудили из бревен, брезента и двух разбитых колес, и немецкая артиллерия полдня молотила по пустому месту. Потому что он заранее приказал не открывать огонь по первой волне пехоты, а подпустить ближе, под минометный веер. Потому что в нужный момент сам повел резерв не туда, где было громче, а туда, где еще пять

минут — и оборона треснула бы по-настоящему.

Они выстояли.

И двадцать семь человек за это заплатили.

Алексей потер переносицу. Пальцы дрожали от усталости. Не сильно — так, едва заметно. Обычный человек, наверное, уже лежал бы пластом. Но ИБИ держал его на стимуляторах, перераспределял ресурсы организма, гасил воспаление в старых, еще не до конца заживших повреждениях, подстегивал обмен веществ. Цена за это придет позже. Всегда приходит.

К костру подошел старшина Громов — широкоплечий, с перебинтованной головой и упрямым лицом человека, которого проще убить, чем согнуть.

— Товарищ лейтенант, — негромко сказал он. — Там из штаба прибыли. Полковник и еще двое. Вас требуют.

Алексей кивнул.

— Сейчас иду.

Он поднялся не сразу. Колени отозвались тупой болью, спина — жгучей полосой вдоль позвоночника. ИБИ тут же отметил:

— Микроразрывы мышечных волокон. Перегрузка. Рекомендую снизить активность.

— Отменяется.

— Принято. Фиксирую игнорирование медицинской рекомендации.

— Запиши в журнал героизма.

— Сарказм не улучшает состояние тканей.

— Но улучшает настроение.

Громов покосился на него, будто почувствовал, что командир с кем-то разговаривает, но ничего не сказал. За последние месяцы старшина уже привык, что лейтенант Волков иногда замирает на секунду, смотрит в пустоту, а потом выдает решение быстрее, чем другие успевают сформулировать вопрос.

Штаб разместился в полуразрушенной избе на краю деревни. Когда-то здесь, наверное, жила большая семья: широкие сени, просторная горница, печь, лавки вдоль стен. Теперь половина крыши была снесена осколками, окна забиты досками, а на столе, где раньше, возможно, резали хлеб, лежала карта, прижатая к углам пистолетом, кружкой и гранатой без запала.

Внутри пахло табаком, мокрой шерстью и усталостью.

Полковник Серебряков стоял над картой, опираясь кулаками о стол. Высокий, сухой, с лицом, будто вырубленным из старого дуба. Рядом — батальонный комиссар Лебедев, плотный, с тяжелым взглядом. И третий — незнакомый капитан в чистой, почти не запыленной форме, с узким лицом и слишком внимательными глазами. Особый отдел, понял Алексей сразу.

— Лейтенант Волков прибыл, — сказал он.

Полковник поднял голову.

— Заходи, Волков. Закрой дверь.

Алексей вошел, прикрыл за собой створку и встал по

стойке смиренно. Не потому, что любил строевщину. Просто в такие моменты лучше не давать лишнего повода.

Серебряков смотрел на него долго. Не как на подчиненного — как на инструмент, который неожиданно сработал лучше, чем обещала инструкция, и теперь надо понять, не сломается ли он.

— Устал? — спросил полковник.

— Так точно.

— Это хорошо. Значит, еще живой.

Комиссар хмыкнул в усы. Капитан из особого отдела не улыбнулся.

— Докладывай, — сказал Серебряков. — Коротко. Почему удержали позицию?

Вопрос был не о фактах. Факты полковник и так знал. Ему нужно было услышать, как Алексей думает.

— Потому что немцы шли по шаблону, — ответил Алексей. — Они рассчитывали, что мы будем держать первую линию до последнего и введем резерв только после прорыва. Мы сделали наоборот. Первую линию я превратил в ловушку, а резерв ввел до того, как они поняли, где у нас настоящий узел обороны.

— Почему ложная батарея сработала?

— Потому что они привыкли верить воздушной разведке. Мы дали им картинку, которую они ожидали увидеть.

— Почему танки не прошли?

— Потому что пехота отстала на три минуты. Для танко-

вой атаки это вечность. Мы отсекли сопровождение минометным огнем и бутылками с горючей смесью, а потом добили машины поодиночке.

Капитан впервые подал голос:

— Откуда у вас, товарищ лейтенант, такие познания о тактике немецких танковых частей?

Голос у него был вежливый. Слишком вежливый.

Алексей перевел взгляд на него.

— Из наблюдений, товарищ капитан. Они не первый день воюют, и мы не первый день под ними лежим.

— Наблюдательность у вас, надо признать, исключительная.

— Стараюсь.

Капитан чуть склонил голову.

— Инициатива тоже исключительная. По словам командира батальона, вы неоднократно нарушали предписанные схемы обороны.

— Если бы я их не нарушил, немцы были бы сейчас у переправы.

В избе повисла тишина.

Комиссар Лебедев медленно выдохнул дым в сторону.

— Смелый ты, Волков.

— Нет, товарищ комиссар. Просто считаю потери.

Серебряков резко выпрямился.

— Хватит. — Он посмотрел на капитана. — Особист свои вопросы потом задаст. Сейчас не до этого.

Капитан промолчал, но взгляд не отвел.

Полковник обошел стол и остановился напротив Алексея.

— Слушай внимательно. Сегодня ты спас мне фланг. Возможно, весь участок. За это спасибо. Но благодарность на войне — штука короткая. Завтра немцы попробуют снова. И послезавтра. И через неделю. У меня людей нет. Орудий нет. Снарядов — кот наплакал. А у тебя, как я вижу, голова работает не по уставу. Это плохо для мирного времени. А сейчас, может, и кстати.

Он сделал паузу.

— Я забираю тебя из роты.

Громче всего в такие моменты звучит не сказанное слово, а тишина после него.

Алексей не шевельнулся.

— Куда? — спросил он.

— Формировать отдельную штурмовую группу.

Комиссар поднял бровь, но не возразил. Значит, решение уже обсуждали.

Серебряков продолжил:

— Не от хорошей жизни. У меня на участке скопилось все, что обычно списывают в расход: остатки разбитых рот, саперы без саперного имущества, танкисты без танков, артиллеристы без пушек, выздоравливающие после госпиталя, пара десятков пограничников, которые вышли из окружения, и еще черт знает кто. По отдельности — мусор войны. Вместе... — он прищурился. — Может выйти кулак. Если

найдется человек, который сумеет их собрать.

— Почему я?

— Потому что остальные либо слишком умные, чтобы браться за безнадежное, либо слишком тупые, чтобы сделать из этого что-то полезное.

Комиссар усмехнулся уже открыто.

— Хорошая характеристика, — заметил Алексей.

— Не обольщайся. — Полковник ткнул пальцем в карту. — Задача простая и дрянная. Через двое суток немцы полезут на железнодорожный узел у станции Лесная. Если возьмут его — отрежут снабжение сразу двум дивизиям. Оборонять станцию некому. Я могу дать тебе людей, которых не жалко потерять, и право действовать по обстановке. Если удержишь узел — молодец. Если нет — о тебе никто не вспомнит.

— Сколько людей?

— Сейчас — сорок три. К утру, может, будет пятьдесят. Из них обученных — половина. Остальные либо контуженные, либо вчерашнее пополнение, либо вообще сборная солянка.

— Вооружение?

— Два исправных станковых пулемета. Одиннадцать ручных. Винтовки, карабины, немного автоматов. Противотанковых ружей — три. Гранат мало. Мин почти нет. Из техники... — полковник скривился. — Один броневедомитель, который заводится через раз, и два трактора. Но есть кое-

что интереснее.

Он кивнул комиссару. Тот достал из угла свернутую в брезент папку и бросил на стол. Внутри оказались схемы, чертежи, несколько фотографий.

Алексей шагнул ближе.

На снимках были немецкие полевые укрепления, железнодорожная насыпь, складские постройки, водонапорная башня и — отдельно — тяжелый бронированный тягач с навешанными листами стали и крупнокалиберным пулеметом в башенке кустарной работы.

— Что это? — спросил он.

— Самоделка, — ответил Серебряков. — Наши ремонтники пытались собрать штурмовую машину из того, что осталось после бомбежки. Не закончили. Двигатель живой, ходовая вроде тоже. Броня разнородная, то что удалось снять с трофеев подбитых. Но если довести до ума, может пригодиться.

ИБИ ожил мгновенно.

— Анализ визуальных данных завершен. Импровизированная бронированная платформа на базе артиллерийского тягача. Потенциал высокий при грамотной доработке. Недостатки: перегрузка передней оси, слабая вентиляция, ограниченный обзор, уязвимость ходовой части, нерациональные углы бронелистов.

Алексей почувствовал, как внутри, под усталостью и болью, шевельнулось знакомое холодное возбуждение.

Не радость. Не азарт. Скорее то состояние, когда хаос вдруг начинает складываться в схему.

— Где машина? — спросил он.

— В ремонтных мастерских у станции. — Полковник внимательно следил за его лицом. — Что, уже придумал что-то?

— Возможно.

— Вот и хорошо. Потому что времени у тебя нет.

Капитан из особого отдела снова заговорил:

— Товарищ полковник, прежде чем передавать лейтенанту столь широкие полномочия, я бы рекомендовал уточнить некоторые обстоятельства его биографии.

Серебряков раздраженно дернул щекой.

— Опять?

— Да, опять. — Капитан повернулся к Алексею. — Лейтенант Волков, ваши документы в порядке лишь формально. Слишком мало следов до июня сорок первого. Слишком удачно вы появились. Слишком быстро освоились. Слишком много знаете для человека с заявленной биографией.

— На войне быстро учатся, — спокойно сказал Алексей.

— Или приходят уже обученными.

Комиссар тяжело посмотрел на капитана.

— Ты на что намекаешь?

— Я не намекаю. Я проверяю.

Алексей молчал. Внутри все стало очень тихим.

ИБИ тут же выдал:

— Уровень угрозы повышен. Вероятность углубленной

проверки личности — 67 процентов. Рекомендую минимизировать контакт, избегать противоречий, не демонстрировать знания вне рамок правдоподобия эпохи.

— Спасибо, сам бы не догадался, — мысленно ответил Алексей.

Полковник стукнул ладонью по столу.

— Хватит. Пока этот человек держит мой участок, он мне нужен. После войны будете копаться в его анкетах сколько влезет. Сейчас у меня немцы в трех километрах.

Капитан поджал губы.

— Я не возражаю против использования лейтенанта Волкова в боевой обстановке. Но прошу учесть: ответственность за последствия...

— Беру на себя, — отрезал Серебряков.

Это было сказано так, что спорить дальше капитан не стал.

Полковник снова повернулся к Алексею.

— До рассвета получишь людей. К полудню должен быть на станции Лесная. Осмотришь узел, оценишь оборону, решишь, как держать. И еще. — Он помедлил. — Если увидишь, что не удержишь, взорвешь склады и пути. Немцам ничего не оставлять.

— Понял.

— Вопросы?

— Есть. — Алексей ткнул пальцем в фотографию самодельной машины. — Мне нужны сварщики, слесари, кузнец, запас металла, болты, инструмент, горючее и право забирать

все, что плохо лежит в радиусе станции.

Комиссар фыркнул.

— Скромно.

— И еще нужны люди, которые умеют не только стрелять, но и думать руками.

Полковник кивнул.

— Получишь, что смогу дать. Но не жди чудес.

— Я и не жду.

— Тогда свободен. Через час жду предварительный план.

Алексей развернулся к выходу, но голос капитана остановил его у двери.

— Лейтенант Волков.

Он обернулся.

— Да?

— Я буду наблюдать за вашей работой.

— Наблюдайте, товарищ капитан. Только не мешайте.

На секунду в глазах особиста мелькнуло что-то острое, почти личное. Но он лишь кивнул.

Снаружи ночь стала еще холоднее. Ветер тянул с поля гарь и сырость. Где-то далеко бухнула одиночная пушка, потом еще одна. Фронт не спал.

Алексей медленно пошел к своему временному расположению, и ИБИ сразу вывел перед внутренним взором схему.

— Предлагаю первичный план действий, — сказал он. — Первое: оценка станции и прилегающей местности. Второе: сортировка личного состава по функциональным группам.

Третье: доработка импровизированной бронемашины. Четвертое: создание эшелонированной обороны с ложными позициями. Пятое: подготовка мобильного резерва.

— Добавь шестое, — мысленно сказал Алексей. — Нужно понять, как немцы будут атаковать именно этот узел.

— Уже анализирую. Железнодорожная станция — узловая точка снабжения. Вероятны два сценария: лобовой удар с поддержкой бронетехники или обход с целью перерезать пути и вызвать панику в гарнизоне.

— А если оба сразу?

— Тогда у вас будут очень плохой день.

— Спасибо за оптимизм.

— Я не оптимист. Я точен.

У костра его уже ждали Громов и еще трое: сержант Бурцев, сухой, жилистый, с лицом старого волка; младший лейтенант Сеницын, артиллерист без орудия, зато с отличной памятью на траектории; и рыжий, веснушчатый сапер по фамилии Логинов, который, по слухам, мог из двух ящиков гвоздей, катушки проволоки и матерного слова собрать что угодно — от моста до ловушки.

— Ну? — спросил Громов.

Алексей сел на ящик.

— Нас переводят.

— Куда?

— На станцию Лесная. Формировать отдельную штурмовую группу.

Бурцев присвистнул.

— Это что ж, нас повысили или списали?

— И то и другое, — сказал Алексей.

Логинов ухмыльнулся.

— Значит, будет весело.

— Нет, — ответил Алексей. — Будет тяжело. Весело было бы, если бы у нас были люди, пушки и время. А у нас нет ни первого, ни второго, ни третьего.

Он коротко пересказал задачу. Никто не перебивал. Когда закончил, Громов только сплюнул в сторону.

— Пятьдесят человек на узел? Да нас там размажут.

— Если будем действовать как предписано по уставу — да.

Синицын подался вперед.

— А если не по уставу?

Алексей посмотрел на него.

— Тогда у нас есть шанс.

Он разложил на коленях карту, подсвечивая ее карман-ным фонариком, у которого батарея уже дышала на ладан.

— Слушайте внимательно. Станция — не крепость. Это ловушка, если оборонять ее в лоб. Значит, мы не будем цепляться за каждое здание. Мы превратим весь узел в многослойную мясорубку. Немцы должны думать, что берут станцию, а на самом деле — входить туда, где мы уже просчитали их шаги.

Логинов почесал затылок.

— Это как?

— Это так, что они увидят удобный проход — а там мины. Увидят пустой склад — а там огневая точка. Пойдут вдоль насыпи — попадут под перекрестный огонь. Войдут броней на площадь перед пакгаузом — упрутся в завал и потеряет скорость. А когда потеряет скорость, мы ее сожжем.

Громов медленно кивнул.

— Значит, будем не держать, а ломать.

— Именно.

Синицын ткнул в карту.

— А артиллерия?

— Почти нет. Поэтому будем заменять ее инженерией, маскировкой и точным огнем.

Бурцев хмыкнул.

— Красиво говоришь, товарищ лейтенант. Только люди у нас не железные.

Алексей поднял на него взгляд.

— Поэтому я и не собираюсь тратить их как дрова.

Он помолчал и добавил уже тише:

— Хватит с нас сегодняшнего.

Никто не ответил. Но после этих слов вокруг костра стало как-то иначе. Не легче. Просто люди слышали главное: их не собираются бросать в лоб ради красивого рапорта.

— Еще одно, — сказал Алексей. — На станции есть недоделанная бронемашинка. Если успеем, доведем до ума.

Логинов оживился.

— Какая машина?

— Самодельная. На базе тягача.

— О-о... — протянул сапер с уважением. — Это уже разговор.

— Не радуйся раньше времени. Может оказаться гробом на колесах.

— Так это ж почти любая техника на войне, — философски заметил Логинов.

Даже Алексей усмехнулся.

Потом началась работа.

До рассвета он почти не сидел. Принимал людей, которых ему передавали из разных подразделений, сортировал, задавал короткие вопросы, смотрел в глаза, отмечал походку, руки, реакцию. Кто-то был еще крепок. Кто-то держался на злости. Кто-то уже надломился, но скрывал это. ИБИ помогал, анализируя микромимику, тембр голоса, координацию движений, признаки контузии и истощения.

— Этот — в пулеметный расчет, — мысленно отмечал Алексей.

— Согласен, — отвечал ИБИ. — Хорошая моторика, устойчивый взгляд, низкий уровень тремора.

— Этот?

— Саперные работы. Повреждение слуха, но высокая пространственная ориентация.

— Этот не пойдет.

— Подтверждаю. Вероятность срыва под огнем — 48 про-

центов.

К утру у него действительно набралось пятьдесят два человека.

Слишком мало для обороны узла. Но уже достаточно, чтобы попытаться сделать нечто большее, чем просто очередную братскую могилу.

Колонна двинулась на станцию в сером предрассветном свете. Два грузовика, броневедомоцикл, подводы с ящиками, люди пешком. Дорога была разбита гусеницами и воронками, по обочинам валялись брошенные ящики, обрывки брезента, мертвые лошади. Над лесом висел низкий туман, и в нем все казалось призрачным, как будто сама земля еще не решила, кого сегодня оставить в живых.

Станция Лесная встретила их тишиной.

Небольшой узел: два основных пути, запасная ветка, водонапорная башня, склад горючего, пакгауз, ремонтные мастерские, несколько служебных построек, полуразрушенный вокзал и насыпь, уходящая к мосту через мелкую речку. С виду — ничего особенного. Но Алексей сразу увидел главное: место было неудобным для классической обороны и почти идеальным для умной.

— ИБИ, схема.

Перед внутренним взором вспыхнула трехмерная модель. Сектора обстрела, мертвые зоны, вероятные направления атаки, точки для засад, уязвимости построек, линии отхода.

— Рекомендую использовать башню как наблюдательный

пункт, — сказал ИБИ. — Пакгауз — как ложный центр обороны. Основной узел сопротивления сместить к мастерским. Насыпь заминировать фрагментарно, оставив контролируемые проходы.

— Уже вижу.

Он обернулся к людям.

— Громов! Берешь десять человек, проверяешь все здания. Ищешь подвалы, проломы, скрытые подходы. Логинов — со мной в мастерские. Синицын — на башню, мне нужна полная привязка местности. Бурцев — выставить внешнее охранение и никого без моего приказа не подпускать к складам.

— Есть!

Работа закипела сразу.

Мастерские оказались полутемными, пахнувшими маслом, гарью и железной стружкой. Под навесом, среди разобранных тележек, рельсовых домкратов и ящиков с инструментом, стояла она — недоделанная штурмовая машина.

Тягач действительно был старый, но крепкий. На него наварили листы брони разной толщины, местами даже не подогнанные как следует. Спереди — грубый клин, по бокам — экраны, сверху — низкая башенка с крупнокалиберным пулеметом. Вид у машины был такой, будто ее собирали в припадке отчаяния и упрямства.

То есть именно так, как и рождаются лучшие полевые решения.

Алексей обошел ее кругом, касаясь ладонью холодного металла.

— Двигатель? — спросил он.

Из-за верстака вылез пожилой мастер в замасленной робе.

— Живой, товарищ командир. Капризный, но живой. Коробка тоже. Только броню не успели довести, смотровые щели плохие, внутри духота, а передок тяжелый — в грязи может зарыться.

— Кто делал?

— Всем миром. Я, слесарь Федотов, еще двое ребят. Хотели для штурма приспособить, да немцы налетели, не до того стало.

ИБИ уже выдавал список.

— Необходимо: перераспределить массу, усилить крепления передних листов, добавить вентиляционные каналы с защитой от осколков, расширить обзор мехводу через перископическую схему или зеркальные отражатели, предусмотреть крепления для десанта или саперного имущества.

Алексей прищурился.

— Зеркала есть?

Мастер моргнул.

— Какие зеркала?

— Любые. Из разбитых машин, приборов, хоть откуда.

— Найдем, наверное.

— Трубы тонкие? Листы? Сетка? Болты?

— Есть кое-что.

Алексей повернулся к Логинову.

— Слушай задачу. Нам нужен не просто броневик. Нам нужен танк для ближнего боя. Чтобы мог подойти под огнем, высадить группу, прикрыть пулеметом и не заглохнуть на первом завале.

Сапер уже смотрел на машину с тем выражением, с каким хороший плотник смотрит на кривой, но крепкий брус: работы много, зато толк будет.

— Сделаем, — сказал он.

— Не «сделаем», а «успеем». У нас максимум сутки.

— Тогда будет некрасиво, но страшно.

— Меня устраивает.

Он еще раз обошел машину и вдруг ясно понял, почему название книги пришло ему в голову именно сейчас.

Не потому, что это броня. Не потому, что металл. А потому, что настоящий стальной кулак — это не одна машина и не один человек. Это когда разрозненные, побитые, усталые части начинают бить как единое целое.

И если он сумеет это собрать — хотя бы здесь, хотя бы на одной станции, — значит, все было не зря.

Снаружи донесся крик:

— Товарищ лейтенант! На башне вас!

Алексей вышел из мастерских и быстрым шагом направился к водонапорной башне. Наверху его уже ждал Синицын с биноклем.

— Смотрите, — сказал артиллерист и молча протянул

прибор.

На дальнем краю леса, там, где дорога выходила к полю, двигались темные точки.

Много.

Пехота. Повозки. И, если ИБИ не ошибался, за деревьями мелькали характерные силуэты бронетехники.

— Разведка? — спросил Алексей.

— Пока да. Но не только. Они щупают подходы.

ИБИ подтвердил:

— Вероятность подготовки атаки в течение ближайших 18–30 часов — 81 процент.

Алексей опустил бинокль.

Ветер тронул лицо. Где-то внизу уже стучали молотки — люди начинали превращать станцию в ловушку.

— Значит, времени еще меньше, — тихо сказал он.

— Командир, — произнес ИБИ, — вы снова входите в режим боевой концентрации.

— А у меня есть выбор?

— Нет.

Алексей посмотрел на лес, откуда скоро придет враг, и впервые за последние часы почувствовал не усталость, а холодную ясность.

Пусть идут.

На этот раз их встретит не просто горстка уцелевших.

На этот раз их будет ждать кулак.

## Глава 2. Ковка кулака

Станция Лесная просыпалась не как мирное место.

Не было здесь ни утренней ленивой суеты, ни запаха свежего хлеба, ни скрипа телег с молоком, ни сонных голосов железнодорожников, ругающих ранний подъем. Все это осталось где-то в другой жизни — той, что закончилась в тот день, когда война пришла не в газеты и сводки, а в дома, на дороги, в поля, на станции, в человеческие лица.

Теперь утро здесь начиналось со стука молотков, скрежета металла, коротких команд, хриплого кашля, лязга затворов и тяжелого, почти осязаемого напряжения, которое висело в воздухе, как перед грозой.

Алексей Волков стоял на насыпи у запасного пути и смотрел, как его люди превращают разрозненный железнодорожный узел в будущую бойню.

Солнце только поднималось, тусклое, белесое, будто и оно не хотело смотреть на то, что здесь готовилось. Туман еще не до конца ушел в низины, цеплялся за кусты, за рельсы, за черные остовы вагонов, брошенных у дальнего тупика. В этом молочном свете все казалось нереальным: фигуры бойцов, таскающих шпалы; саперы, ползущие вдоль насыпи с катушками проволоки; мастеровые, уже с утра облепившие недоделанную бронемашину; пулеметчики, примеряющие сектора огня из окон пакгауза.

Но нереальным это было только на первый взгляд.

На самом деле все было предельно конкретно. Каждая лопата земли, каждый мешок с песком, каждый ящик патронов, каждая доска, каждый болт, каждый человек — все имело цену. И если ошибиться в расчете, платить придется кровью.

— Сводка по личному составу, — напомнил ИБИ.

Алексей мысленно открыл внутреннюю схему.

Пятьдесят два человека. Из них:

восемь — с боевым опытом выше среднего;

двенадцать — надежные, но уставшие;

девять — после ранений или контузий, пригодны с ограничениями;

одиннадцать — пополнение, почти без обкатки;

шесть — специалисты: саперы, слесари, связисты;

шесть — условно боеспособные, но с высоким риском срыва под сильным огнем.

Вооружение — пестрое, как базар после бомбежки:

винтовки Мосина;

несколько СВТ;

автоматы ППД и один ППШ;

два «максима»;

один ДП с изношенным диском;

три противотанковых ружья;

гранаты — мало;

бутылки с горючей смесью — можно сделать много, если

найти тару и бензин;  
мин — почти нет;  
артиллерии — нет.

Техники — один бронеавтомобиль, который, по словам водителя, «ездит, если его не злить», и недоделанная штурмовая машина, которая пока больше напоминала железный сарай на гусеницах, чем оружие войны.

— Идеальные условия, — пробормотал Алексей.

— Для чего именно? — уточнил ИБИ.

— Для того, чтобы потом в мемуарах писать: «Несмотря на крайнюю нехватку всего...»

— У вас нет мемуаров.

— И времени на них тоже нет.

Он спрыгнул с насыпи и пошел вдоль станции, отмечая детали.

Пакгауз — крепкий, кирпичный, с толстыми стенами. Хорош как ложный центр обороны. Если немцы увидят в нем пулемет и движение, обязательно вцепятся. Значит, там надо оставить минимум людей, но максимум видимости.

Мастерские — лучше. Ниже, прочнее, с удобными выходами, с возможностью скрытно перебрасывать людей между секторами. Настоящий узел сопротивления будет здесь.

Водонапорная башня — глаза. Пока стоит, они видят дальше противника.

Склад горючего — опасность и шанс одновременно. Если попадут — полыхнет так, что полстанции сгорит. Но если

использовать правильно...

— Не рекомендую хранить основной запас горючего в штатном месте, — сказал ИБИ. — Вероятность поражения авиацией или артиллерией высокая.

— Уже понял.

Он подозвал Бурцева.

— Слушай. Все бочки из склада — рассредоточить. Часть в мастерские, часть в канавы под маскировку, часть — на бутылки. На складе оставить минимум. И сделай вид, что там все по-прежнему.

Сержант кивнул.

— Понял. Ложная цель?

— Да. И если будет время — подготовь поджог. Чтобы в нужный момент мы сами решили, когда оно рванет.

— Сделаем.

Алексей двинулся дальше.

У стрелки запасного пути уже работал Логинов со своими людьми. Сапер стоял на коленях в грязи, чертил палкой по земле схему, а вокруг него трое бойцов слушали с таким видом, будто им объясняли не устройство ловушки, а устройство мира.

— ... вот здесь они пойдут, потому что тут сухо и удобно, — говорил Логинов. — А удобно на войне бывает только в одном случае — если тебя туда специально зовут. Значит, мы им это удобство и оставим. Только с сюрпризом.

Он поднял голову и увидел Алексея.

— Товарищ лейтенант, гляньте.

На земле была набросана схема подходов к станции. Логинов уже отметил:

ложные проходы;

места для проволоки;

точки, где можно заложить фугасы из артиллерийских снарядов;

завалы из шпал;

сектора, где бутылки с горючей смесью будут особенно эффективны.

Алексей присел рядом.

— Хорошо. Но вот здесь, — он ткнул в участок у насыпи, — не сплошное минирование. Оставь коридор.

— Чтобы пустить их внутрь?

— Чтобы они сами выбрали, куда идти. Если все закрыть, начнут искать обход. А если оставить один «случайно» удобный путь, полезут туда, где мы их ждем.

Логинов оскалился в короткой, злой улыбке.

— Люблю, когда врагу помогают сделать правильный выбор.

— Не увлекайся. Нам не красота нужна, а результат.

— Понял.

— И еще. Сделай несколько ловушек не на уничтожение, а на задержку. Провалившийся танк — это хорошо. Но застрявший танк поперек прохода — иногда лучше.

Сапер задумался, потом кивнул уже серьезно.

— Есть мысль. Если подрывать под шпалами и прикрыть сверху, легкая машина пройдет, а тяжелая сядет брюхом.

— Делай.

Он поднялся и пошел к мастерским.

Там уже кипела своя война.

Недоделанная штурмовая машина стояла под навесом, облепленная людьми. Слесарь Федотов, сухой, седой, с руками, похожими на корни старого дерева, ругался на двух молодых бойцов, которые пытались подтащить бронелист. Рядом мастер в замасленной робе что-то варил, и голубоватые вспышки резали полумрак. На земле валялись снятые детали, куски металла, трубы, коробки с болтами, обрезки резины, инструменты.

Алексей остановился у машины и снова включил внутренний анализ.

ИБИ тут же наложил поверх реального изображения схему:

слабые зоны брони;

перегруженный нос;

уязвимые щели обзора;

опасные углы рикошета;

внутренние мертвые объемы;

возможные точки крепления дополнительного оборудования.

— Начнем с главного, — сказал Алексей вслух. — Обзор мехводу. Если он ослепнет под огнем, машина станет гро-

бом.

Федотов вытер лоб рукавом.

— Щели есть.

— Щели — это не обзор. Это приглашение пуле.

Он взял кусок мела и прямо на броне начал рисовать.

— Здесь ставим отражательную схему. Не полноценный перископ — не из чего. Но если собрать короб и пустить угол через зеркала, мехвод сможет смотреть выше линии прямого попадания.

Федотов нахмурился.

— Зеркала на войне?

— Любые полированные пластины, стекла, даже куски приборов. Главное — угол и защита.

Мастер почесал затылок.

— Может сработать.

— Не «может». Должно.

ИБИ тихо добавил:

— При низком качестве отражающих поверхностей обзор ухудшится, но все равно будет лучше прямой щели.

— Дальше, — продолжил Алексей. — Вентиляция. Внутри после десяти минут боя люди сварятся. Нужны воздуховоды с коленом, чтобы осколок не прошел напрямую.

— Сделаем из труб, — сказал Федотов.

— Башенка — слишком высоко. Срежем силуэт.

— Тогда сектор пулемета уменьшится.

— Зато жить дольше будет.

Он обошел машину сбоку.

— Здесь крепления под десант. Не снаружи — внутри.

Четыре человека максимум. Больше не надо. Это не автобус.

— А если раненых вывозить? — спросил кто-то из бойцов.

Алексей обернулся.

— Если придется вывозить раненых, значит, все пошло плохо. Но место оставим.

Он постучал по переднему листу.

— И вот это усилить. Не толщиной — углом. Если не можем сделать броню толще, заставим снаряд скользить.

Федотов уже смотрел на него не как на командира, а как на человека, который понимает железо.

— Ты где этому научился, лейтенант? — спросил он без задней мысли.

На долю секунды внутри стало холодно.

— На войне, — ответил Алексей. — Там быстро учатся.

Федотов кивнул, приняв ответ. Но ИБИ тут же отметил:

— Вопросы о происхождении ваших знаний будут повторяться.

— Пусть повторяются. Лишь бы делали, что нужно.

Он подозвал водителя броневедомобиля — ефрейтора Малахова, коренастого, с лицом, обветренным до кирпичного цвета.

— Ты на чем раньше ездил?

— На всем, что заводилось, товарищ лейтенант.

— Хороший ответ. Эту машину поведешь, если оживет. Малахов обошел тягач, сплюнул.

— Оживет. Только характер у нее будет скверный.

— У нас у всех сейчас характер скверный.

— Тогда сработаемся.

Алексей оставил мастеровых и пошел к импровизированному плацу между пакгаузом и мастерскими. Там уже выстроили людей — не по уставной красоте, а как получилось. Кто в гимнастерке, кто в ватнике, кто с перевязанной рукой, кто с чужой каской, кто вообще без ремня. Сборная войны. Обломки частей, случайно не убитые вчера и позавчера.

Он встал перед ними и несколько секунд молчал.

Люди смотрели по-разному. Кто-то с интересом. Кто-то с усталой настороженностью. Кто-то с откровенным недоверием. Один из новеньких, совсем молодой, с пухом на щеках, старательно делал вид, что не боится. Получалось плохо.

Алексей не любил длинных речей. На войне слова быстро дешевеют. Но иногда без них нельзя.

— Слушайте внимательно, — сказал он. Голос прозвучал негромко, но жестко. — Я не буду обещать вам легкой службы, теплой еды и скорой победы. Этого не будет. Немцы придут сюда. Скоро. Их будет больше. У них будет броня, минометы, возможно — авиация. У нас этого почти нет.

Он сделал паузу.

— Но у нас есть другое. У нас есть время — немного. Есть руки. Есть головы. Есть злость. И есть шанс сделать так, что-

бы за эту станцию они заплатили дороже, чем рассчитывают.

Кто-то шевельнулся в строю. Алексей продолжил:

— Я не собираюсь держать вас здесь как стадо на убой.

Кто ждет приказов в духе «стоять насмерть, пока всех не перебьют» — ошибся адресом. Мы будем воевать умно. Значит, копать, таскать, строить, маскировать, учиться и стрелять. Много. Быстро. До потери сил. Потому что потом времени не будет.

Он перевел взгляд с одного лица на другое.

— Здесь не будет лишних людей. Каждый нужен. Но и балласта не будет. Кто не может держать оружие — будет носить патроны. Кто не может бегать — будет варить железо. Кто не умеет ничего — научится. Кто решит, что ему страшно настолько, что он готов подвести остальных, — лучше скажите сейчас.

Тишина.

Не героическая. Тяжелая.

Потом из второго ряда вышел высокий боец с перевязанным ухом.

— Товарищ лейтенант, — сказал он хрипло. — Страшно всем. Только деваться некуда.

Алексей кивнул.

— Правильный ответ.

Он шагнул ближе.

— Тогда запоминайте главное. Мы не просто гарнизон станции. Мы — ударная группа. Если немцы полезут, мы

не будем ждать, пока нас раздавят. Мы будем ломать им темп, зрение, связь, строй, уверенность. Они должны не взять станцию, а увязнуть в ней, как в болоте. А потом — захлебнуться.

Слово «болото» отозвалось внутри неожиданно остро. На миг всплыло черное сибирское месиво, холод, боль, Кузьмич, вытаскивающий его из смерти. Алексей отогнал воспоминание.

— С этого момента, — закончил он, — каждый из вас — часть кулака. По отдельности нас сомнут. Вместе — посмотрим, кто кого.

Он не кричал. Не размахивал руками. Но после этих слов строй будто собрался плотнее.

— Разбивка по группам! — рявкнул Громов, и работа началась.

Следующие часы станция гудела, как улей перед пожаром. Алексей разделил людей на функциональные звенья:

- штурмовая группа ближнего боя;
- пулеметные расчеты;
- противотанковые пары;
- саперная команда;
- резерв быстрого реагирования;
- мастерская группа;
- наблюдатели и связные.

Каждому — четкая задача. Без лишней болтовни. Без красивых формулировок.

Проблемы полезли сразу.

У пулеметчиков не хватало лент.

У одного из противотанковых ружей оказался разбит прицел.

Двое новеньких путали сигналы.

Один из бойцов после контузии вздрагивал от каждого резкого звука и не мог нормально работать в расчете.

В мастерских не хватало крепежа.

На складе нашлось меньше бензина, чем обещали.

Связь между башней и мастерскими постоянно рвалась — провод старый, изоляция дрянь.

И все это было нормально.

Война вообще редко дает материал для красивых схем. Настоящая работа командира начинается там, где все идет не так.

— ИБИ, приоритеты, — мысленно бросил Алексей, одновременно помогая подтаскивать ящик с бутылками.

— Первое: связь. Без нее оборона распадется на отдельные очаги. Второе: противотанковые средства. Третье: обучение личного состава действиям по сигналам. Четвертое: завершение бронемашин. Пятое: маскировка.

— Согласен.

Он подозвал связиста — худого, сутулого сержанта по фамилии Чернов.

— Что с линией?

— Провод старый, товарищ лейтенант. На изгибах рвется.

Изолента кончилась.

— Чем заменить?

— Тканью, смолой, проволокой... да чем угодно, если время есть.

— Времени нет. Делай из того, что есть. И дублируй сигналы флажками и ракетами.

— Днем флажки, ночью ракеты?

— И голосовые цепочки на крайний случай.

— Понял.

Потом он пошел к противотанковым расчетам.

Три ружья — смешно мало против серьезной атаки. Но если использовать их не как чудо-оружие, а как часть системы, толк будет.

Алексей лично показывал, куда бить:

не в лоб;

не по башне;

по бортам;

по ходовой;

по смотровым приборам;

по уязвимым местам, когда машина уже замедлилась или встала.

— Не геройствуйте, — говорил он. — Ваша задача не красиво умереть под танком, а сделать так, чтобы он остановился там, где мы его добьем.

Один из бойцов, широколицый сибиряк по фамилии Ермаков, спросил:

— А если не остановится?

— Тогда отходишь на вторую позицию и стреляешь снова.

— А если и тогда не остановится?

— Значит, плохо стреляешь.

Несколько человек усмехнулись. Напряжение чуть спало.

Потом были бутылки с горючей смесью.

Их делали в бывшем складском сарае. Пахло бензином, маслом, тряпьем и опасностью. Маруся, та самая санитарка, неожиданно оказалась самой аккуратной в этом деле и быстро навела порядок, отогнав двух слишком ретивых бойцов, которые едва не устроили пожар раньше времени.

— Осторожнее, орлы, — сказала она, не поднимая глаз.

— Если сами себя спалите, немцам работы не останется.

— Видишь? — заметил ИБИ. — Высокая стрессоустойчивость. Полезный кадр.

— Я и без тебя вижу.

К полудню Алексей устроил первую тренировку по сигналам и перемещению между секторами.

Вот тут и началось настоящее сопротивление.

Люди, пережившие окружения, отступления, бомбежки и бессмысленные приказы, плохо верят в новые схемы. Особенно если их предлагает молодой лейтенант с холодными глазами и привычкой думать быстрее остальных.

Когда он в третий раз заставил группу перебегать от мастерских к ложной позиции у пакгауза по разным маршрутам, один из старших бойцов не выдержал.

— Товарищ лейтенант, — сказал он сдержанно, но зло, — мы что тут, цирк устраиваем? Немец придет — тогда и побежим. А сейчас людей только гоняете.

Алексей посмотрел на него.

Фамилия — Кравцов. Возраст — под сорок. Воевал еще в Финскую. Хороший стрелок. Упрямый. Усталый. Опасен не как бунтарь, а как человек, за которым могут пойти другие.

— Подойди, — сказал Алексей.

Кравцов вышел.

— Как думаешь, сколько времени у тебя будет, когда немецкий миномет накроет первую позицию?

Тот пожал плечами.

— Сколько даст бог.

— Неправильно. У тебя будет от десяти до двадцати секунд, пока противник переносит огонь и поднимает пехоту. Если за это время ты не знаешь, куда бежать, где падать, где твой новый сектор и кто рядом, — ты труп. И тот, кто рядом с тобой, тоже.

Кравцов молчал.

Алексей шагнул ближе.

— Я гоняю вас сейчас, чтобы потом не собирать по кускам. Если тебе это не нравится — можешь считать меня кем угодно. Но делать будешь так, как я сказал.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Кравцов коротко кивнул.

— Понял, товарищ лейтенант.

— Хорошо. Тогда еще раз. По сигналу «два коротких» — отход на вторую линию. По сигналу «один длинный» — ложная активность у пакгауза. По красной ракете — противотанковые пары на фланги. Повторить.

На этот раз повторяли уже без лишних вопросов.

К вечеру станция изменилась.

Снаружи она все еще выглядела уязвимой, даже беспорядочной. Но это было обманчивое впечатление.

Теперь здесь были:

скрытые ходы между ключевыми точками;

замаскированные огневые позиции;

ложные пулеметные гнезда;

подготовленные завалы;

бутылки с горючей смесью в заранее рассчитанных местах;

фугасы из переделанных снарядов;

запасные линии связи;

резервные маршруты отхода;

сектора перекрестного огня;

и главное — люди, которые начали понимать, что именно они делают и зачем.

Не идеально. До идеала было как до Аргоса пешком.

Но уже не толпа.

У мастерских тем временем происходило почти чудо.

Штурмовая машина оживала.

Срезали лишний верх башенки. Переделали крепления.

Поставили примитивную отражательную схему обзора. Вывели воздуховоды. Наварили дополнительные экраны на борта. Внутри закрепили держатели под ящики с гранатами и инструментом. Спереди приварили грубый отбойник из рельсового железа — не таран в полном смысле, но уже не просто нос.

Когда Малахов впервые завел двигатель, вся станция на секунду замерла.

Мотор закашлялся, чихнул, взревел так, будто его разбудили после тяжелого похмелья, выплюнул облако сизого дыма и вдруг заработал ровно, низко, зло.

Люди вокруг невольно заулыбались.

На войне любая ожившая машина — почти как обещание.

Алексей поднялся на борт, заглянул внутрь. Тесно. Жарко. Грубо. Но уже боеспособно.

— Название есть? — спросил Малахов снизу.

— У чего?

— У машины.

Алексей посмотрел на темный металл, на сварные швы, на рельсовый отбойник, на башенку, на людей вокруг, которые смотрели на эту железную коробку так, будто в ней было больше надежды, чем в половине штабных приказов.

— Есть, — сказал он. — «Кулак».

Логинов одобрительно хмыкнул.

— Коротко и по делу.

— Если сгорит в первом бою, переименуем, — заметил

Федотов.

— Не сгорит, — сказал Алексей.

ИБИ тут же сухо уточнил:

— Вероятность поражения в первом серьезном боестолкновении остается высокой.

— Иногда ты удивительно не умеешь поддержать момент.

— Я не для этого создан.

Солнце уже клонилось к лесу, когда на станцию снова приехал полковник Серебряков. С ним — комиссар и тот самый капитан из особого отдела.

Они прошли по позициям молча.

Полковник смотрел внимательно, ничего не упуская:

на ложные позиции;

на завалы;

на перемещения людей;

на маскировку;

на бутылки;

на фугасы;

на бронемашину.

У «Кулака» он остановился дольше всего.

— Это ты придумал? — спросил он.

— Доработал, — ответил Алексей. — Основа уже была.

Серебряков обошел машину кругом, постучал костяшками по броне.

— Страшилище.

— Зато свое.

— Если поедет и выстрелит — уже хорошо.

Капитан из особого отдела стоял чуть в стороне и смотрел не на машину, а на Алексея.

— Вы слишком уверенно обращаетесь с техникой, товарищ лейтенант, — сказал он.

— Я слишком не люблю умирать из-за плохо сделанной техники.

— Удобный ответ.

— Другого нет.

Полковник оборвал их взглядом.

— Доклад.

Алексей коротко, без украшений, изложил:

структуру группы;

схему обороны;

роль ложных позиций;

использование «Кулака» как мобильного резерва и штурмового тарана;

порядок сигналов;

вероятные направления атаки;

слабые места станции.

Серебряков слушал молча. Комиссар иногда кивал. Капитан — запоминал.

Когда Алексей закончил, полковник спросил:

— Чего не хватает?

— Всего, — ответил Алексей. — Но особенно — времени, мин и боеприпасов к пулеметам.

— Мин не дам. Нет. Боеприпасы попробую выбить. Что еще?

— Нужны две лошади.

Полковник моргнул.

— Зачем?

— Для ложной эвакуации и перетаскивания завалов в последний момент.

Комиссар усмехнулся.

— Вот уж чего не ожидал.

— И еще, — добавил Алексей. — Если будет возможность, пришлите пару опытных артиллеристов. Без пушек.

— Это еще зачем?

— Умеют считать местность. Мне нужны люди, которые понимают, как ложится огонь, даже если самого огня почти нет.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.